Арфисты / очерк в кадрах

Category: Kitarcsy

написано kitarcsy | 24 января, 2025

Арфисты / очерк в кадрах АРФИСТЫ

Зимний свет Рахманиновского зала отражался в звенящих узорах стеклянной вазы и трескучих изломах целлофановой упаковки цветов на столе председателей арфовой конференции. Двумя этажами ниже, в женском туалете, под душной желтизной люминесцентной лампы переодевались докладчицы.

Упрямый стук тяжёлых каблучков по мокрым доскам временного тротуара на Моховой. Обтрёпанные снизу джинсы. Высокий хвост коротких рыжеватых волос беспокойно вертится из стороны в сторону. В больших, не по-женски крепких руках, из-за промозглости ли, не загорается тонкая сигарета.

– Эх, Саня, зачем ты меня так повела?.. Надо было через Арбатскую ехать – там привычнее и быстрее.

– Успеваем, Елена Анатольевна! Вы же сейчас в школу?

– А куда ещё? Не, ну ты слышала, что она мне сказала: «Может быть, в вашем заведении этого нет, но во всех нормальных училищах такое уже давно», – прошепелявила Елена Анатольевна с сигаретой в зубах, ехидно прищулив глаза, передразнивая свою недавнюю оппонентку.

– Да ладно, Елена Анатольевна, не обращайтесь внимания. И Шамеева же не усидела молча – быстро поставила её на место. Всё равно – поздравляю вас с успешным докладом!

– Спасибо, Санёк! Молодец, что пришла. Вот так отыщешь знакомые глаза в зале – всё повеселее. Ну, беги в институт, прогульщица, на связи.

Заострённый нос кожаной туфли неумолимо отбивает ритм по серому, вытопанному паркету маленького кабинета музыкальной

школы на окраине Москвы. «Варя, в каких бы страстях ты не колотилась за арфой, я тебя прошу, держи темп! Варька, темп держи! Спину выпрями – весь звук от спины, всё от спины! Осанка – как у царицы. Ну вот, можешь же. Хоть на человека стала похожа. Локоть выше, как у лучницы. Варвара, и если ещё раз ты придёшь с нотами в таком состоянии... я возьму их, сверну в тугую-тугую трубочку и... в общем, не доводи до греха, ты меня знаешь. Завтра перед концертом ещё раз с тобой пройдем, на месте уже».

Недалеко от арочных тёмно-ореховых дверей шуваловской Музыкальной гостиной на Поварской остановилась газель с тремя арфами в чёрных чехлах на борту. Пока в артистических комнатах Гостиной арфистки расправляют фатиновые юбки, не выпуская из рук нотных «простыней», водитель газели Юра, любитель радиостанции «Звезда», и программист Толя, тридцатилетний сын Елены Анатольевны, поднимают по парадной лестнице привезённые ими арфы, шёпотом матерясь и тут же осекаясь. На сцену арфу каждой подопечной Елена Анатольевна выкатит уже сама, по сантиметру выверяя расположение колонны инструмента относительно выбранного ею угла зала. Кто-то из слушателей посчитает необходимым громко испустить обессиленный вздох или нарочито посмотреть на часы. «Техническую» паузу, вмиг сориентировавшись, заполнит «бессменная ведущая и неутомимый организатор» всех арфовых фестивалей Наталия Хамидовна Шамеева, тридцать лет проработавшая в оркестре Большого театра и вдвое больше – преподавателем в Гнесинке. Она выйдет из зала к сцене и не без кокетства, слегка наклонив голову на бок, изящно переступая с одной ножки на другую, расскажет, просто и естественно, какую-нибудь историю из своей профессиональной жизни или из жизней именитых арфистов прошлого, спокойным, но лукавым взглядом усмирит всех кашляющих, охающих, и как бы невзначай объявит следующую исполнительницу вновь.

«Выходишь размеренно, кланяешься с достоинством, садишься, поправляешь платье и обязательно мозги, поняла меня? Когда полностью будешь готова, послушай тишину – из неё должна начаться твоя музыка. Я буду рядом, за кулисами».

Свет сценической лампы маслил строгий силуэт и разбивался о высокий хвост рыжеватых жёстких волос. Идеальная осанка, приподнятый остроконечный воротник белоснежной блузы. Большими крепкими руками за кулисами беззвучно – в воздухе – был воспроизведён каждый аккорд, доносящийся со сцены, была сделана каждая цезура, как делалась она много раз в классе. И только после отзвука финальных нот произведения руки Елены Анатольевны расслабленно опустились, выдохнули.

– Что ж вы так вяло хлопаете? Девчонка-то славная, и какое вывезла! Ну, поддержите её! – сама с собой досадовала Елена Анатольевна.

Столпившись под кованым козырьком шуваловского особняка, морщась от ветра позднего вечера и шипения машин, молодые артистки напряжённо ждали окончаний глубоких затяжек Елены Анатольевны, после которых та бросит два-три слова по поводу сегодняшней игры своих учениц. «Аля, ты в репризе как курица с ведрами неслась». «Лизок, ну порвалась у тебя струна, так сорок пять-то осталось! Зачем всем показывать, какая у тебя трагедия случилась?» «Завтра у меня дома собираемся. Так дело не пойдёт».

Аля, 17 лет: «Ну, мы обычно к Елене Анатольевне все вместе приезжаем. И своей программой занимаемся, и ансамблем».

Лиза, 18 лет: «Пока одна играет, другие уборку делают, посуду моют».

Света, 16 лет: «Проветриваем. Окурки собираем. Вещи старые обратно на помойку уносим».

Варя, 13 лет: «Играем часов по шесть-восемь. Нет, конечно, перерывчики делаем – чаёк там, печеньки».

Саня, 21 год: «Она может позвонить в любой момент и вызвать тебя к себе, где бы ты ни находилась. Но в последнее время такого уже меньше».

Аля: «Её бывшие ученицы говорят, что в одно прекрасное (непрекрасное) время, она просто больше не выходит на связь. Именно с тобой. Ломаешь себе голову, что произошло, когда произошло. Будто вычёркивает тебя из своей жизни... Не хотелось бы такого, если честно...»

Саня: «Десять лет назад к Елене Анатольевне меня привела моя первая учительница по арфе – тоже, кстати, ученица ЕА, – знаю, что до этого они действительно несколько лет не общались, совсем».

Станция «Перово». Невзрачные промзоны. За длинным рядом холодных гаражей одноэтажная постройка. На её пороге появился тучный мужчина в жилете некогда зелёного цвета и с роем засаленных карманов на груди – директор специализированного арфового магазина. Провёл по тесному глухому коридору с тикающими офисными светильниками к нужной двери.

В просторном белом, почти стерильном помещении полукругом стояли новенькие арфы. У входа корзина с бахилами и гардероб для верхней одежды, куда Андрей повесил свой жилет. В прозрачном шкафу во всю стену – зарубежные нотные издания, разложенные по алфавиту.

– Прямо на концерте лопнула? Ничего себе! Представляю, что вы там пережили... Вот смотрите, струны второй октавы, трёх производителей. Могу дать вам все: Елена Анатольевна послушает, какие лучше будут звучать именно на вашем инструменте, и потом тогда сочтёмся, как говорится. Вообще арфовый мир маленький же очень. И очень закрытый. Друг другу надо помогать. Мне кажется. Елене Анатольевне привет!

Гулкие хлопки кивающих коллег на конференции в Рахманиновском зале. С кресла поднялась, лениво поправляя расползающуюся по плечам шаль, Янкелика Сушкова, давно променявшая концертно-исполнительскую деятельность (и педагогическую тем более) на административную работу:

– Благодарю вас, Елена Анатольевна, за чудеснейший доклад, – по своей привычке жеманно растягивает слова. – У вас прелюбопытнейшая методика преподавания, но, позвольте узнать... вы на полном серьёзе думаете, что дети могут хоть что-то понять о стиле, нюансировке в исполнении музыкальных произведений? Может быть, лучше их играть сначала научить, а потом уже всё остальное?

Елена Анатольевна откликнулась с большим воодушевлением, будто искренне верила, что Сушкова задала свой вопрос ради её ответа:

– Я считаю, что с первого класса надо учить ставить палец на струну так, как этого требует конкретное произведение и показывать, как расположение пальцев вообще может влиять на звук. Разбор любой пьесы в моём классе начинается с того, что ученик в нотах указывает годы жизни композитора, если...

– В вашем заведении нет библиотеки с грамотными сборниками, где всё это уже стоит? Во всех нормальных училищах...

– ...Если, Янкелика, они не были указаны до этого. Нужно представлять эпоху, окружение и слушать, какой приём уместен именно здесь.

– Я соглашусь с тезисами доклада Елены Анатольевны, – встала Шамеева. – Надеюсь, вы доверяете моему опыту: ребёнку семи-восьми лет по силам отличить музыку Гайдна от музыки Равеля, Дебюсси, и разговоры о стиле, направлении необходимо вести с самого раннего возраста, чтобы в училищах и вузах нам не приходилось иметь дело с техническими заготовками, способными играть что угодно в каком угодно темпе. Вкус должен быть.

– И, на мой взгляд, – Елена Анатольевна не в первый раз благодарно посмотрела на Наталию Хамидовну, – должна быть самостоятельность и творческая самодостаточность, потому что рано или поздно в жизни каждого ученика наступает момент, когда он остаётся с произведением один на один – и он должен

быть к этому готов.

«Варька, темп держи!» Открыв настежь дверь школьного кабинета, охранник Миша вальяжно остановился на пороге, теребя в руке лязгающую связку ключей:

– Да что ты будешь делать... Елена Анатольевна, ну, сколько можно? Мне закрывать давно пора, смотрю – одно окно во всей школе горит... Заканчивают они... Выпускница ваша приходила сегодня. Пропустите, говорит. А я чем помочь могу? Не положено – звоните своей Елене Анатольевне, пропуск выписывайте. Звоню, говорит, – не отвечает... Ну, когда надо – тогда и ответит, всему своё время, верно? И я про то же.

Об авторе: ЭЛИНА ВИРОН

Студентка Литературного института имени А.М.Горького.